

СУБЪЕКТ КРИМИНАЛЬНОГО БАНКРОТСТВА: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Захилько К. С.

В соответствии с действующим законодательством субъектом преступления является вменяемое физическое лицо, совершившее общественно опасное деяние после достижения им возраста уголовной ответственности. В некоторых случаях законодатель сужает круг субъектов, способных совершать то или иное преступление, путем введения дополнительных признаков. В таком случае речь идет о специальном субъекте преступления.

Во всех разновидностях криминального банкротства, признаки которого закреплены в ст. 238–241 УК Республики Беларусь, субъект является специальным. В самом общем виде в приведенных нормах субъектами криминального банкротства могут признаваться: а) индивидуальный предприниматель; б) должностное лицо юридического лица; в) учредитель (участник) юридического лица; г) собственник имущества юридического лица. При этом субъектом ложной экономической несостоятельности (банкротства) (ст. 238 УК) могут выступать только индивидуальный предприниматель и должностное лицо юридического лица.

Проблемы субъекта криминального банкротства в отечественной научной литературе не подлежали широкому освещению. Лаколичное раскрытие содержание понятия и признаков субъекта посягательств, предусмотренных ст. 238–241 УК производилась в рамках научных и научно-практических комментариев, монографий и учебной литературе, посвященной общей характеристике посягательств против порядка осуществления экономической деятельности.

А. И. Лукашов в своих работах определяет субъект преступлений, предусмотренных ст. 238–231 УК, как специальный, а также раскрывает содержание отдельных его признаков, исходя из толкования и анализа нормативных правовых актов, к которым отсылают диспозиции норм, закрепленных в вышеуказанных статьях УК.

Исследователь указывает, что к должностному лицу юридического лица следует относить: а) «уполномоченное должностное лицо юридического лица, являющегося коммерческой организацией (за исключением унитарного предприятия, основанного на праве оперативного управления (казенное предприятие))»; б) «уполномочен-

ное должностное лицо юридического лица, являющегося некоммерческой организацией, действующей в форме потребительского кооператива либо благотворительного или иного фонда»; в) иные лица. К иным лицам в некоторых случаях могут относиться: применительно к ст. 238 УК – лица, указанные в ч. 2 и 3 ст. 233 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (ликвидационная комиссия (ликвидатор), собственник имущества должника – унитарного предприятия, учредители (участники) должника – юридического лица, его руководитель или орган, уполномоченный в соответствии с учредительными документами должника – юридического лица на принятие решения о его ликвидации) [1; 2, с. 135].

А. И. Лукашов поясняет, что учредитель (участник) или собственник юридического лица, как субъекты посягательств, предусмотренных ст. 239–241 УК, являются уполномоченными на совершение действий, описанных в диспозициях данных статей, в соответствии с законодательством как: «имеющие право давать обязательные для юридического лица указания либо иным образом определять его действия». Поэтому эти действия они совершают в качестве должностных лиц, уполномоченных на совершение юридически значимых действий (п. 3 ч. 4 ст. 4 УК) [1; 2, с. 139, 141, 143].

Автор подчеркивает, что субъектами криминального банкротства не могут являться должностные лица юридических лиц, не относящихся к организациям, которые в соответствии с законодательством не могут быть признаны банкротами. При наличии в действиях таких лиц отдельных признаков посягательств, из группы криминального банкротства (напр., умышленного создания или увеличение неплатежеспособности), такие действия следует рассматривать на предмет наличия признаков преступлений против интересов службы (глава 35 УК) [1; 2, с. 141].

В целом аналогичные комментарии по вопросу субъекта посягательств криминального банкротства осуществляет в своих работах Н. А. Бабий. Исследователь также поясняет некоторые моменты квалификации, связанные с рассматриваемым признаком.

В отношении ложной экономической несостоятельности (банкротства) поясняются вопросы квалификации, связанные с соучастием в совершении данного преступления. Подчеркивается, что иные работники юридического лица, осуществлявшие подделку документов, по сговору с уполномоченным должностным лицом, ко-

торое может выступать в качестве субъекта данного посягательства, должны подлежать ответственности как пособники в совершении данного преступления; а лица, осуществившие подделку документов без сговора с субъектом преступления, «могут быть привлечены к ответственности за преступления против интересов службы» [3; 4, с. 539]. Кроме этого, высказывается позиция, что «руководитель юридического лица, который исполнит решение учредителя либо собственника юридического лица о банкротстве, зная о ложности такого решения, подлежит ответственности наряду с учредителем или собственником юридического лица» [3; 4, с. 539].

В. В. Хилjuta в своих работах рассматривает содержание признаков специального субъекта криминальных банкротств, для уяснения которых следует обращаться к иным нормативным правовым актам [5, с. 79–80], затрагивает некоторые вопросы оценки действий временного и антикризисного управляющего [5, с. 81], главного бухгалтера [5, с. 83–84] и лиц, входящих в коллегиальные органы управления [5, с. 82–83] юридического лица, а также фактического руководителя [5, с. 83] при совершении ими действий, подпадающих под признаки криминального банкротства.

Так, автор, ссылаясь на положения ст. 39–45 и 86 Закона № 415-З, указывает, что в силу указанных положений к временному и антикризисному управляющему могут переходить полномочия руководителя организации, в силу чего управляющий может выступать в качестве субъекта преступлений, предусмотренных ст. 240 и 241 УК [5, с. 82].

Анализируя случаи, когда в рамках юридического лица на принятие решений от его имени уполномочены коллегиальные органы управления (совет, дирекция, правление), В. В. Хилjuta формулирует правило квалификации, в соответствии с которым члены коллегиального органа управления могут выступать в качестве субъекта криминального банкротства, в случае если они голосовали за принятие решения, образующего объективную сторону посягательства из группы криминального банкротства; при этом ответственность таких лиц наступает по правилам о соучастии [5, с. 82].

Автор, ссылаясь на работы некоторых исследователей [6; 7; 8], делает справедливое замечание о том, что вопрос ответственности исполнителя преступных решений коллегиального органа управления решается по правилам положений ст. 40 УК «Исполнение приказа или распоряжения» [5, с. 83], в соответствии с которыми лицо, ис-

полнившее заведомо преступный приказ или распоряжение, несет уголовную ответственность на общих основаниях.

Не остался незатронутым вопрос ответственности фактического руководителя юридического лица, действующего при совершении деяний, образующих признаки криминального банкротства, от имени номинального руководителя. В. В. Хилjuta отмечает, что в таком случае действия фактического руководителя должны оцениваться как действия исполнителя, а действия номинального руководителя – как пособника преступления «при условии осознанного участия в криминальном банкротстве» [5, с. 83].

В. В. Хилjuta подчеркивает, что действия главного бухгалтера являются производными от действий руководителя, что не позволяет признавать его исполнителем криминального банкротства, за исключением некоторых случаев, когда, по мнению автора, главный бухгалтер может выступать в качестве соисполнителя некоторых деяний, описанных в статьях о криминальном банкротстве («сокрытие имущества, его отчуждения, искажения бухгалтерской отчетности, осуществление подделки документов, увеличение неплатежеспособности и т.п.») [5, с. 84].

При анализе проблем субъекта криминального банкротства следует обратить особое внимание на имеющийся в уголовном законодательстве подход, в соответствии с которым в круг субъектов преступлений, предусмотренных ст. 238–241 УК включены учредители (участники), собственники имущества юридического лица. Как справедливо отмечается А. И. Лукашовым, при совершении преступлений, предусмотренных ст. 238–241 УК, такие лица, как учредители (участники), собственники имущества юридического лица уполномочены на совершение вышеуказанных действий в соответствии с законодательством как имеющие право давать обязательные для юридического лица указания либо иным образом определять его действия. Поэтому эти действия они совершают в качестве должностных лиц, признаком которых является наличие полномочий, полученных ими в установленном порядке на совершение юридически значимых действий [1; 2, с. 139, 141, 143].

При анализе законодательства об экономической несостоятельности (банкротстве), иных положений гражданского законодательства, следует прийти к выводу, что характер деяний, описанных в ст. 238–241 УК, не позволяет лицам, не обладающим признаками должностного лица юридического лица осуществлять пове-

дение, подпадающее под признаки преступлений, предусмотренных ст. 238–241 УК, за исключением таких деяний, не связанных с осуществлением должностным лицом юридического лица своих полномочий, как уничтожение или повреждение имущества, или физическое сокрытие имущества. Подобные действия обладают самостоятельной направленностью, не связанной с совершением преступлений против порядка осуществления экономической деятельности и, при наличии признаков, указанных в законодательстве, могут подлежать квалификации по ст. 216, 218 УК. Совершение указанных действий посредством воздействия на уполномоченных должностных лиц юридического лица или совместно с ними, при наличии признаков, указанных в законодательстве, образует соучастие в совершении должностным лицом юридического лица преступлений, предусмотренных ст. 238–241 УК.

В этой связи привлечение одних только учредителей (участников), собственников имущества юридического лица к уголовно ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. 238–241 УК, является исключительно теоретической возможностью, не согласующейся с действующими подходами к определению должностного лица в уголовном законодательстве и гражданским законодательством, в том числе законодательством об экономической несостоятельности (банкротстве). Как видится, указание на статус субъекта, вне зависимости от функций, осуществляемых им при осуществлении преступного поведения в области экономической деятельности, выглядит как законодательное упрощение, отдающее модель системы объективных и субъективных признаков составов преступлений, сформулированных в нормах о криминальном банкротстве, от модели реального поведения, мыслимой законодателем как преступление, направленное против порядка осуществления экономической деятельности.

При дальнейшем анализе понятий «учредитель (участник), собственник имущества юридического лица» следует обратить внимание на еще одну проблему, связанную с нарушением правил законодательного закрепления признаков составов преступлений. Как отмечается в литературе, вводимые в УК нормы должны согласовываться с иными положениями УК и других отраслей права [9, с. 485; 10, с. 269–270]. Концепция действующего УК признает субъектом преступления лишь физическое лицо. При этом, в соответствии с гражданским законодательством учредителями (участниками),

собственниками имущества юридического лица могут выступать как физические, так и юридические лица (ст. 44, 63, 113 ГК, ст. 13 Закона Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. № 2020-XII «О хозяйственных обществах»). Формулирование законодателем признаков субъекта преступления, допускающих отнесение к их числу юридическое лицо, вступает в прямое противоречие с основополагающими положениями Общей части УК о вине (ст. 21–26), условиях уголовной ответственности (ст. 27) и выглядит как недостаток законодательной техники.

В качестве итога следует отметить, что характеристика вопросов квалификации, связанных с субъектом криминального банкротства, получила определенное освещение в отечественной научной литературе. Вместе с тем, некоторые проблемы законодательных подходов при описании субъекта криминального банкротства, поставленные в отечественной литературе, не подвергались углубленному рассмотрению. В частности, проведенный в настоящей работе анализ позволяет заключить, что указание на учредителя (участника), собственника имущества юридического лица, как субъектов преступлений, предусмотренных ст. 239–241 УК, является излишним, не имеющим самостоятельной юридической значимости. В целях развития системного соответствия рассмотренных положений иным нормам УК, а также иных отраслей законодательства, данное указание может быть исключено из текста уголовного закона.

Список цитированных источников

1. Лукашов, А. И. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. Особенная часть. Раздел VIII. Преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности. Глава 25. Преступления против порядка осуществления экономической деятельности (статьи 221–261-1) [Электронный ресурс] / А. И. Лукашев // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

2. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть: учеб. и практическое пособие / А. И. Лукашов, С. Е. Данилюк, Э. Ф. Мичулис [и др.]; под общ. ред. доц. А. И. Лукашова. – Минск : Тесей, 1997. – 576 с.

3. Бабий, Н. А. Преступления против экономической состоятельности и процедуры банкротства (комментарий к ст. 238–241 «Ложная экономическая несостоятельность (банкротство)» главы 25 «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности» Уголовного кодекса Республики Беларусь) [Электронный ресурс] / Н. А. Бабий // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

4. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.

5. Хилjuta, В. В. Криминальное банкротство: уголовно-правовые средства противодействия преступному переделу собственности : монография / В. В. Хилjuta. – Гродно : ГТАУ, 2014. – 228 с.
6. Бабий, Н. А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть: учеб. / Н. А. Бабий. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 663 с.
7. Яни, П. С. Сложности квалификации преступлений, связанных с банкротством / П. С. Яни // Законодательство. – 2007. – № 8. – С. 76–81.
8. Карелина, С. А. Субъектный состав криминального банкротства / С. А. Карелина, О. А. Москалева // Законодательство. – 2007. – № 12. – С. 33–39.
9. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. – Т. V. Понятие преступления. Состав преступления / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н. А. Лопашенко. – Москва : Юрлитинформ, 2016. – 600 с.
10. Гончаров, Д. Ю. Концептуальные основы межотраслевых взаимодействий в законодательстве о противодействии преступности : дисс ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Д. Ю. Сидоров; Уральск. госуд. юрид. ун-т. – Екатеринбург, 2014. – С. 269–270.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ДЕЯНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Карабельникова А. С.

В статье рассматриваются особенности законодательства Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России и Украины об ответственности юридических лиц за совершение коррупционных деяний. Проводится сравнительный анализ оснований ответственности юридических лиц, назначаемых им наказаний, коррупционных преступлений и административных правонарушений юридических лиц.

Вопросы установления ответственности юридических лиц за совершение коррупционных преступлений находятся в центре внимания научного сообщества и законодательных органов многих государств. Данный интерес обусловлен требованиями международных антикоррупционных стандартов. Конвенция ООН против коррупции (ст. 26), Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (ст. 18, 19) рекомендуют установить ответственность юридических лиц за участие в совершении коррупционных преступлений [1, 2]. При этом ответственность может быть, как уголовной, так и гражданско-правовой или административной. К юридическим лицам должны применяться эффективные, соразмерные, оказывающие сдерживающее воздействие уголовные или не уголовные санкции, в том числе финансового характера (денежные санкции).